

АЛЁНА ДАРКИНА

ПРОКЛЯТЬЕ
ВСЕВЫШНЕГО

Алена Даркина

Проклятье Всевышнего

«Автор»

2026

Даркина А.

Проклятье Всевышнего / А. Даркина — «Автор», 2026

Война между Энгарном и Кашшафой неизбежна. Но за привычной борьбой государств скрывается куда более страшный враг — сила, для которой сам мир Гошты лишь ошибка, подлежащая исправлению. Принцу Ллойд предстоит искать союзников среди эйманов — мистических существ, о которых ходят лишь слухи; среди воительниц, уклад жизни которых настолько непривычен, что любой неверный шаг может привести к катастрофе; среди драконов, которые давным-давно исчезли с Гошты. А еще — попасть в Песчаный монастырь, дорога к которому постоянно меняется. В это время Илкер Лаксме наконец возвращается в родовое поместье. Но провинциальная жизнь оказывается не менее опасной, чем столичная. Заговор против короны вновь ставит девушку перед выбором: на чьей она стороне? Мир разваливается на части, трагедии преследуют героев одна за другой. Проклятье Всевышнего — это кара или путь Эль-Элиона, который нужно принять?

© Даркина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16

Алена Даркина

Проклятье Всевышнего

Глава 1

Проклятье Всевышнего

Роман

Можешь ли ты найти сердце без страха?

Страх живет во всем, что движется, а иногда и камни излучают его.

Он неподвластен сознанию и выползает из неведомых глубин,

для того чтобы превратить нас в рабов.

Мы слушаем страх, потому что он обещает дать жизнь.

И он не лжет —

страх предназначался, чтобы спасти нас от зла,

а стал еще худшим злом.

Но хочешь знать тайну?

На берегу Вечности есть река Страх,

где иные чувства поглощаются одним властелином.

И если ты сможешь ее переплыть,

то тайное знание будет доступно тебе:

страх станет твоим слугой,

и ты поймешь, что есть нечто более драгоценное, чем сама жизнь.

Нечто, ради чего стоит забыть о страхе.

Песня Чувств, Книга Вселенной (отрывок).

Пролог

26 сабтамбира, Юдала, тюрьма Жанхота

Тюрьма Жанхота с красивым именем Юдала находилась в черте города. Когда-то здесь был монастырь, но во время кашишафской оккупации монахов выгнали, поселив там рабочих, строивших дворец. После того как к власти пришла королева Эолин, «законные владельцы» вернулись, но ненадолго. Вскоре Полад настоял, чтобы монахам построили более просторное и светлое помещение чуть дальше от столицы, а Юдалу назвали «тюрьмой Полада» — там около месяца содержались те, кого арестовывала тайная полиция. После этого их либо отпускали, либо казнили, либо они переводились в более отдаленную тюрьму.

Почти всегда здесь содержались довольно знатные узники. Тюрьма для них — это не мрачные застенки и пыточные камеры (хотя и они в Юдале были, чего уж там). Но чаще аристократы коротали время в хороших условиях. Попавшего сюда лучше было не оскорблять (если выйдет, пусть вспоминает лишь исключительно вежливое обращение и комфорт), но и допустить, чтобы подозреваемый сбежал, тоже нельзя. Предупредительность и умеренная строгость — такое не всякому можно поручить.

Комендант тюрьмы капитан Янжсин уже собирался спать. Телохранитель королевы доверил ему Юдалу два года назад в качестве награды за многолетнюю верную службу (тогда Янжсину исполнилось пятьдесят). Но тут слуга доложил, что коменданта срочно требуют, надо принять нового «постояльца». Подавив вздох, Янжсин вновь натянул мундир. Застегнул ремень, на котором всегда болталась связка ключей рядом с мечом.

Наверно, очень важную птицу привезли, если обычных «волков» для его встречи недостаточно. Он направился в сторону главных ворот, но посыльный остановил:

— Ждут у тайного хода, господин капитан.

Начинается... Таких заключенных он особенно не любил. Где тайна, там проблемы.

— Проследи, чтобы в правом крыле на первом этаже никого не было. «Гостя» встречу сам, — тут же распорядился Янжин, и солдат исчез.

Карета с заколоченными окнами стояла у самых ворот. На козлах скучал кучер. Парень в форме «волка» положил широкополую шляпу рядом, из-под кожаного жилета смутно бела рубаха с пышными рукавами.

У дверицы, скрестив руки на груди, ожидала шишка поважнее. Вьющиеся волосы, стальные глаза навывкате, благородные манеры — если бы сопровождающий брил бороду, вполне походил бы на аристократа. Комендант встречал его, когда служил капитаном в сторожевой башне. Сталкивались несколько раз у Полада. Но имени друг другу не называли.

— Майор Етварт Шрам, — пропуская приветствие, представился ночной посетитель, протягивая заготовленную заранее бумагу.

— Капитан Янжин.

«Волки» не привыкли расшаркиваться. Не поприветствовал, значит, дело срочное. То, что молодежь его обошла и имела звание повыше, тоже несколько коменданта не расстроило. Каждому по заслугам. И дадут, и спросят. Капитанов выбирал и обучал лично Полад. дослужился до майора — молодец. Янжин себя обделенным не считал. Он вчитался в бумагу.

Сопроводительные документы были очень уж необычными. Не значилось ни откуда доставили преступника, ни в чем он обвинялся. И даже имени не вписали. Лишь строжайший приказ поместить заключенного в подвальное помещение без окон и не пускать в камеру ни одного человека без особого распоряжения телохранителя королевы. Но пароль Полада на сегодняшний день на месте. Сомневаться в подлинности документов не приходилось.

Комендант на мгновение снял шляпу и пригладил остатки волос, походивших на лохматую подкову. Затем уточнил:

— Я так понимаю, поместить надо в самую дальнюю камеру? Чтобы никто не видел и не слышал?

— Да, именно так, — подтвердил майор, прикасаясь к шраму на щеке.

— Давно в подвальные камеры не заходили, вряд ли там можно долго держать людей. Придется подождать, пока приберутся.

Янжин закинул удочку, чтобы понять: аристократа привезли или горожанина какого? Как с ним обращаться?

— Порядок наводить некогда, — отрезал Етварт Шрам. Он вроде бы не нервничал, но явно хотел побыстрее закончить дело. — Может, позже будут другие распоряжения.

— Если грязная камера подойдет, я сам провожу. Дополнительную охрану вызвать?

— Нет, — быстро ответил майор. — Чем меньше людей об этом заключенном узнает, тем лучше. Сейчас его выведу, — он распахнул дверьцу и полез в карету.

Послышался шум, короткий рык, карета закачалась.

— Нужна помощь? — повысил голос комендант, искоса поглядывая на соскочившего с козел кучера, — тот встал рядом. Вроде бы просто наблюдает, но чувствуется напряжение. И рука на эфесе.

— Нет! — перекрикивая шум борьбы, отозвался майор.

Наконец карета перестала раскачиваться и внутри всё стихло.

— Эй! — позвал Янжин на всякий случай.

— Всё в порядке, — глухо откликнулся Етварт. — Уже иду.

На всякий случай комендант тоже положил руку на эфес, а то ведь из кареты мог выйти совсем другой человек. Но появился майор, одернул кожаный солдатский жилет, на руке виднелась странная рана — будто зубами орудовали.

— Помогите.

Шрам подал платок молодому «волку». Тот перетянул рану, повязка тут же намокла от крови.

Комендант от вопросов воздержался, только заметил небрежно:

— Промыть надо бы.

— Позже, — Майор снова взглянул на кучера. — Ты за ноги, я за руки.

Вскоре из кареты вынесли обмякшее тело с черным мешком, надетым на голову. Блеснули серебряные цепи. Янжин удивленно приподнял брови, но быстро справился с собой и пошел вперед, показывая дорогу.

— Он жив? — спросил, не оборачиваясь. — Не хочу объяснять Поладу, как у меня в камере оказался задушенный заключенный.

— Он спит, — успокоил майор. — Я дам вам сосуд, добавляйте несколько капель в еду. И напомню, что в камеру никто не должен заходить.

— Ну да, об этом написано в сопроводительных бумагах.

— На всякий случай повторяю. Не хочется лишних жертв.

Они прошли по коридору, освещенному настенными факелами, откуда Янжин только что предусмотрительно убрал стражу. Спустились по лестнице в подвал. Здесь их встретила еще одна дверь. Комендант загремел ключами, подхватил факел со стены.

— Осторожно, некоторые ступеньки разрушились, — предупредил он, шагая впереди.

Они едва развернулись, в тесном проходе со своей ношей. И снова звон ключей. Шрам и молодой «волк» прошли вслед за Янжином, положили тело на пол. «Хозяин» тюрьмы и это приметил: не швырнули, очень бережно пристроили. Непонятно, почему такое почтение оказывается тому, кто ранил майора. Все-таки аристократ? Тогда почему худшая камера? Да и не стали бы «волки» с каким-нибудь бароном цацкаться. А что, если он свой? Бывший товарищ, узнавший что-то секретное? Эту мысль Янжин решительно вытряхнул из головы. Его дело маленькое.

— Воняет, — поморщился Шрам, выпрямляясь.

— Воняет, — согласился комендант. — А как проветришь? Другие камеры не такие... секретные. Он что так и будет связанный?

— Пока да.

— И мешок с головы не снимете?

— Нет.

Кучер подошел к выходу и сообщил негромко, выглядывая в коридор:

— Кто-то идет.

— Быть не может! — комендант метнулся к двери и отшатнулся. — Господин Полад... — ошарашено пробормотал он, но больше сказать ничего не успел.

Телохранитель королевы, носивший всегда одежду рядового «волка», быстро воткнул факел в крепление. На бритом черепе отражались блики огня, хищный нос отбрасывал тень, которая, расплываясь на стене, напоминала ястребиный клюв. Запавшие глаза были чуть прикрыты. Он осунулся за последний месяц. Помолчав мгновение, Полад резко бросил:

— Выйдите.

Быстро окинул взглядом всех присутствующих.

— Господин Полад, я должен предупредить... — начал Шрам, но его прервали.

— Пошли вон! — сквозь зубы процедил Полад и, когда они заторопились к выходу, приказал коменданту более сдержанно. — Ключи оставьте, я сам запру. Идите наверх.

Шагая по ступеням вверх, комендант протянул:

— Да-а-а... — Молчать больше не было сил. — Такого у нас еще не бывало.
— И лучше бы никогда не было, — поддакнул Шрам.

19–20 ухгустуса, Меара, родовой замок Лаксме

Илкер вместе с братом, тетей и дядей наконец-то отправились в родовое поместье Меара. После смерти родителей она еще ни разу никуда с ними не ездила.

Авдон Шовек, походивший не на главу гильдии ювелиров, а на большого доброго медведя, наконец завершил дела, чтобы осмотреть новые владения. Для путешествия им понадобилось две кареты — они не брали много вещей. В одной ехал граф Меара — ее братишка Ашбел — шустрый десятилетний мальчишка, такой же русоволосый и кареглазый, как Илкер. Только волосы у нее вились сильнее, не желали лежать в тщательно уложенной прическе. Графа сопровождали опекуны — дядя Авдон и тетя Юмаана. Молодая женщина тридцати лет была младшей сестрой матери Илкер.

В другой карете ехала леди Лаксме — бывшая горничная, неожиданно превратившаяся во фрейлину ее высочества. И ее слуги. *Особые слуги.*

Путь занял два дня. Они несколько раз останавливались, обедали, отдыхали, ночевали в гостиницах, а затем снова тряслись в карете.

И всё же добрались быстро. В детстве Илкер казалось, что Меара гораздо дальше от столицы. Наверно, потому что поездка была очень скорбная: поместье продали, а отец умирал... Илкер помнила его бледное лицо, закушенную губу, стоны, вырывавшиеся, когда карету трясло на кочках. Они с мамой пытались помочь ему, но отцу становилось хуже. От этого приходило отчаяние.

В эту поездку она то и дело возвращалась мыслями к приватному разговору с Поладом.

— Итак, настало время подробнее обсудить мою просьбу, — начал он после приветствия. Илкер исследовала узоры на стенах комнаты, чтобы не смотреть на телохранителя королевы. Она ужасно волновалась. Ей было так страшно, что он попросит о чем-то, и придется ему отказать. Страшно испытать последствия отказа. Но против совести она поступить не могла. Полад, понимая ее беспокойство, начал издали: — Напомню, что речь идет о возможном заговоре. Недавно полковник «волков» в Наеме получил сообщение от мастера Кироса, который служит библиотекарем у графа Еркера. Называю вам это имя, потому что старичок свяжется с вами. Познакомьте его с моими людьми. Они поедут с вами в качестве слуг. Пока всё понятно?

— Да. Мастер Кирос, граф Еркер. Когда придет ко мне, познакомить с вашими людьми. Илкер чувствовала себя маленькой девочкой на уроке в школе невест1.

— Хорошо. Я очень надеюсь, что в монастыре Наемы не происходит ничего противозаконного. Но нужно знать наверняка. Вам нужно всего лишь взять слуг и отправиться в монастырскую библиотеку. Вы ведь любите читать?

— Да, — кивнула Илкер.

— Вот и отлично. Это всё. Остальное сделают мои люди. Это понятно?

— Да, — еще один кивок.

— Прекрасно, — Полад расслабился. — Итак, теперь о слугах. Посмотрите их рекомендации. У вас могут поинтересоваться, где вы их нашли. Вы должны знать, что ответить.

Он протянул несколько листков. Девушка взяла бумаги и внимательно изучила.

Илкер знала, как обычно нанимают слуг. Юмаана несколько лет искала тех, кто ей подходит. Прежде чем встретиться с кандидатами, тетя тщательно изучала их рекомендации, а иногда даже встречалась с бывшими хозяевами. Тетя была очень подозрительна: если слуги хорошие, почему с ними расстались? Нанимая слуг для себя, Илкер была бы так же придирчива, но тут нужно только согласиться с решением Полада. Не такая уж высокая плата за Меару. Она боялась, что будет хуже.

Горничную Айну Цалмон и кучера Улма Чашивара рекомендовала графиня Езниг. Ей вместе с дочерью пришлось спешно покинуть столицу. Она позаботилась о рекомендациях для слуг.

В первый разговор с телохранителем королевы Илкер поинтересовалась судьбой Дилары Езниг, бывшей фрейлины принцессы, единственной, кто отнесся к внезапно вознесшейся Илкер с пониманием и сочувствием. Полад утверждал, что леди Езниг поступала так небескорыстно. Всё может быть. Вряд ли леди Лаксме когда-нибудь узнает это точно. Если даже их с Диларой пути когда-нибудь пересекутся, скажет ли подруга правду?

Телохранитель уличил ее в чем-то противозаконном и отправил к родителям с предписанием находиться в родовом замке подальше от столицы. И что же получается? Слуги леди Езниг были людьми Полада? Они донесли на Дилару?

Гувернеру Раддаю Зазе, который также становился секретарем Илкер, написал рекомендацию Тордой — настоятель Черного монастыря в Сальмане. Он ручался, что молодой человек, с отличием окончивший монастырскую школу, но не захотевший принять постриг, достоин доверия. То есть и в монастыре есть люди Полада? Да уж, точно говорят, что всю страну паутиной опутал.

— Есть вопросы? — поинтересовался телохранитель королевы.

— Нет, — покачала головой Илкер. — Хотя есть один. Они будут следить за мной так же, как следили за леди Езниг?

Сказала, и тут же сердце забилося заголошнно. Вот за такие необдуманые слова и попадают в опалу. Вечно ей неимется. Нет бы притвориться послушной и сговорчивой! Она быстро взглянула на Полада. Тот добродушно ухмылялся.

— Эти люди ни разу не встречались с леди Езниг.

— Но... как же... Вы же сами дали мне документы...

— Рекомендации Айне и Улму — подлинные, графиня Езниг написала их по моей просьбе, хотя Айна и Улм, служившие у нее, совсем не те, что едут с вами. Рекомендация Тордоа, каюсь, поддельная. Передайте, пожалуйста, эти документы сударю Шовеку, пусть он хранит их вместе с остальными.

— Постойте, — нахмурилась Илкер, — я не понимаю. Эти трое — ваши агенты? Но они никогда не были ни у леди Езниг, ни в монастыре Сальмана?

— Конечно, нет. Что вас так смутило? Вам зазорно брать слуг с поддельными рекомендациями?

— Вовсе нет, — покачала головой Илкер. — Меня это даже радует. Что еще от меня требуется?

— Просто ведите себя так, будто они на самом деле ваши слуги. Вот разрешение на посещение монастырской библиотеки. Вы можете взять с собой трех человек. Секретарь нужен, чтобы записать интересные мысли, которые вы отыщете в книгах. Горничная сопровождает, пока вы не нашли себе компаньонку, а кучер одновременно ваш охранник. Он будет ждать снаружи или в библиотеке — как вам захочется. Чашивар, — Мардан сделал внушительную паузу, — это мой голос. Что скажет он, то сказал я. Он старший среди них и по званию, и по возрасту... — он задумчиво посмотрел на Илкер. — Я надеюсь, вы с ними поладите. Всё понятно?

— Да.

— Хорошо, можете идти.

— И это всё? — удивилась девушка.

— Да. Я, кажется, предупреждал, что моя просьба не будет обременительна и не обеспокоит вашу совесть.

Илкер задумалась. Не верилось, что от нее ничего не требуют. Кажется, если бы Полад дал хоть какое-то поручение, она бы чувствовала себя спокойнее. А так... Она приведет в

монастырь агентов Полада. Это предосудительно? Совесть молчала. Они ведь не собираются там никого убивать. Только узнать, нет ли там врагов. Это важно перед войной. Ладно, все-таки надо уточнить.

— Я оставляю за собой право не подчиняться ни вам, ни вашим агентам, если пойму, что меня пытаются превратить в слепое орудие.

— Кто бы сомневался! — с сарказмом заметил Полад. — Будем считать, что договорились.

Поездка с Айной и Раддаем проходила довольно странно. Новая горничная — миловидная болтушка с огромными голубыми глазами и светлыми волосами — то выглядывала в окно кареты, то разглядывала сидевших внутри, то есть Илкер и секретаря. Круглые щеки и пухленькие губки создавали обманчивое впечатление, что и вся девушка такая же пухленькая и мягкая, но быстрые точные движения полнились скрытой силой и выверенностью.

Раддай Заза был ровесником горничной по документам и казался значительно моложе в жизни. Рыжие волосы, брови и ресницы, усыпанное веснушками лицо, яркие глаза, большой рот и нос картошкой выдавали в нем жителя северного Энгарна, сына разбогатевшего крестьянина, которого отправили учиться в монастырскую школу. Он отличался грамотной речью, иногда сбивающейся на церковный манер. Раддай вечно не знал, куда деть руки: то молитвенно складывал их где-то у живота, то начинал стряхивать с новенького камзола несуществующую пыль. Если бы Илкер не знала, что парнишка — один из доверенных людей Полада, непременно бы обманулась и приняла его за простолюдина, усиленно напоминавшего себе, что и как он должен делать. Присматриваясь к нему с пристрастием, она постановила, что выдать его может разве что острый и внимательный взгляд.

Айна и Раддай всю дорогу ссорились. Илкер не знала, как следует это воспринимать: как еще один розыгрыш для чужих ушей или же агенты действительно не сошлись характером. Как и просил Полад, она вела себя так, словно это на самом деле ее слуги. Поэтому периодически запрещала обоим открывать рот, чтобы хоть немного побыть в тишине.

Улм Чашвар, трясущийся на козлах, по сравнению с ними выглядел стариком. Ему еще не исполнилось и пятидесяти, но темно-серебряные волосы прибавляли возраст, к тому же он двигался и говорил размеренно, точно в запасе у него еще одна жизнь и торопиться абсолютно ни к чему. Илкер почти не слышала его — он сообщал что-то лишь по делу и очень короткими емкими фразами. Невысокого роста, он держался очень прямо. На впалых щеках виднелась серебристая щетина. А вот глаза казались не просто внимательными, а жадными — будто он вбирал в себя всё, что его окружало. Сопровождавшие их «волки» тут же прозвали его «папаша Улм» и относились к нему с большим уважением.

— ...Вся... тела ноет уже, когда же мы приедем? — точно издалека донеслись слова Айны.

Девушка явно собиралась произнести «задница», но в присутствии выпускника монастырской школы сдержалась, однако Заза нашел к чему придаться.

— Следует говорить «всё тело», — мягко заметил он.

Начиналась очередная перепалка.

— А свои поучения засунь в задницу! — немедленно откликнулась Айна.

Только что проглоченное слово теперь пришлось как нельзя кстати.

— Сударыня, — нахмурился Раддай, — как вы выражаетесь в присутствии госпожи? Злоречие и сквернословие — есть грех не меньший, чем волшебство.

— Как хочу, так и выражаюсь! Госпожа, ну чего он ко мне пристал? Я щас с кареты выпрыгну и пешком пойду.

— Следует говорить не «с кареты», а «из кареты», — миролюбиво заявил Заза.

«Нет чтобы помолчать! Сейчас же камни Зары¹ полетят...»

Вспышка ждать себя не заставила.

— Нет, я шас его вытолкну! — зашипела девушка. — Пусть пешком идет. Вот только еще рот откроет, как есть вытолкну!

Раддай отодвинулся от девушки подальше, так что теперь сидел напротив Илкер. Попыхтев немного, не выдержал и пробормотал, глядя в окно:

— «Как есть» — это просторечие. Лучше использовать слова «точно» или «обязательно»...

— Госпожа, да что ж это такое?! — возопила горничная.

— Тебе надо прислушиваться к его советам, Айна. Грамотная речь еще никому не повредила, — успокоила она служанку. — А вам, сударь, я позволяю делать не более трех замечаний за день. Вы учились около пяти лет, а хотите перевоспитать мою горничную за два дня пути.

После того как она их отчитала, в карете воцарилось подобие перемирия, но обиделись оба. «Стоило, наверно, поддержать Айну, — подумала Илкер, — тогда было бы на одного счастливого человека больше».

Выглянув в окно, Илкер обратилась к горничной:

— Мы почти приехали, скоро отдохнем.

— Правда? — обрадовалась та и, отдернув занавеску, выглянула в окно.

Либо у нее быстро менялось настроение, либо обида была показной.

Решетчатые ворота уже открыли. Улм, ловко управляя лошадьми, подъехал к замку и остановил карету прямо у входа. Девушка услышала бурные вопли брата. Он был слишком маленьким, когда они отсюда уезжали, а потому плохо помнил поместье. Но она помнила всё.

Ступив на землю, Илкер обвела взглядом место, где прошло ее детство. Дыхание сбилось, взгляд заволокло пеленой. Ей так часто снился этот дом, его темно-красные стены. В центре возвышалась башня Меа — с нее замок начал свое существование. По легенде, построила ее Меа Лаксме, ушедшая из родительского дома вместе с влюбленным в нее нищим рыцарем отца. Некоторые слуги с ней тоже ушли, не вдвоем же они строили эту башню. Но самое интересное, что в легенде не упоминалось имя этого рыцаря, не говорилось даже, стал он мужем или так и остался любовником. Все знают только Меа Лаксме, отстроившую башню. Потом сын превратил ее в замок. Он за особые заслуги перед королевой получил титул графа и герб: пара волков на фоне огромной ели. Род Илкер насчитывал уже более пятисот лет, а легенда о Меа ей особенно нравилась. Восхищала девушка, которая боролась за свою любовь и совершила нечто невообразимое в мире, где всем управляют мужчины. Может быть, именно это толкало Илкер самостоятельно решать свою судьбу, а не плыть по течению?

К круглой башне примыкала группа других, чуть меньшей высоты. Они возводились в разное время, но удивительно гармонировали между собой. Около ста лет назад к ним пристроили еще два длинных двухэтажных крыла с окнами побольше. Завершались они тоже круглыми башенками, перекликавшимися с центральной.

Деревья и кустарники вокруг замка новые хозяева вырубili и выкорчевали. Теперь повсюду виднелась только коротко постриженная трава. К широкой дороге, ведущей от ворот, стекались более узкие тропинки. Илкер узнавала и одновременно не узнавала родной дом. А что переделали внутри?

Она отправилась в то крыло, где жила с родителями, — всё стало другим. Слуги тоже все сменились. Девушка загрустила. Только теперь она поняла: ничего не вернешь. Но как бы там

¹ Зара, если верить Священным книгам, был первым святым, по молитве которого Эль-Элион зажег камни, которые метали баллисты в противника, осаждающего родной город священника. С тех пор те, кто обучался боевой магии, обращались за помощью к этому святому, а круглые камни для баллисты называли камнями Зары. В церкви Кашшафы этого святого считают боевым магом древности.

ни было, надо привыкать к новому облику замка. Вот лишат ее должности фрейлины, придется сюда навсегда вернуться.

Когда толстенький пожилой дворецкий Яфий заглянул, чтобы пригласить господ на обед, она поинтересовалась:

— Скажите, а книги графа Меара сохранились?

— К сожалению, нет, ваше высочество, — опечалился дворецкий. — В замке нет библиотеки. Но если хотите, я постараюсь узнать, куда дели книги.

— Я буду вам очень благодарна, — промолвила Илкер, нисколько не надеясь на успех.

На следующий день девушка отправилась гулять по лесу. Он был прежним. Конечно, какие-то деревья вырубili, где-то вырос малинник, но Илкер узнавала тропинки, по которым гуляла еще с отцом, и иногда хотелось оглянуться — казалось, он идет за ней, следя, найдет ли дочь дорогу правильно. Она находила.

Побывала у источника, берущего начало у камня в человеческий рост. Здесь еще при жизни деда сделали скамью и поставили кружку для путников. Источник Меары считали лечебным. Когда отец вернулся из Лейна совершенно больным, Илкер приносила ему воду отсюда. Не помогло. И всё равно хотелось верить в волшебный источник.

Вернувшись в поместье, она встретила у ворот карету, позади которой привязали два огромных сундука. Как только она приблизилась, подбежал дворецкий:

— Ваше сиятельство! Как хорошо, что вы вернулись, ваше сиятельство! Это ведь к вам приехали.

— Добрый день, Яфий, — доброжелательно откликнулась девушка. — Кто же посетил меня?

Она заметила старичка, ужасно напоминавшего мастера Озния из королевской библиотеки Жанхота. Только седые волосы у него были не распущены, а собраны позади в хвост, да очки он еще не носил. Гость явно ожидал, когда его представят. Дворецкий отступил в сторону и провозгласил:

— Мастер Кирос, библиотекарь графа Еркера.

Илкер припомнила, что замок этого аристократа находился чуть севернее, примерно в дне пути. Старичок с достоинством поклонился и очень важно произнес:

— Ваше сиятельство, как только мне сообщили о том, что поместье возвращено законным владельцам, я обратился к моему господину с предложением вернуть книги когда-то бывшие в библиотеке замка. Его сиятельство граф Еркер с радостью поддержал эту идею. Он надеется, что это станет началом доброй дружбы между двумя влиятельными семьями. Поэтому я собрал книги и, как только узнал, что вы прибыли, привез их.

— Благодарю вас и господина графа за столь щедрое предложение дружбы. Надеюсь, мы сможем увидеть его сиятельство у нас в гостях, чтобы высказать благодарность лично, — Илкер еще раз бросила взгляд на поклажу.

Родовая библиотека Меары была довольно большой, в этих двух сундуках, какими бы вместительными они ни были, не могло поместиться всё. Граф оставил что-то себе?

Мастер Кирос понял ее без слов.

— Сударь Загфуран, купивший Меару у вашего отца, — торопливо объяснил он, — большую часть библиотеки пожертвовал монастырю Наемы. Его сиятельству досталась лишь малая часть. Но всё, что получили мы, я переписал и возвращаю все книги до одной. У меня с собой есть эти списки, можете сверить.

— Еще раз благодарю вас, мастер Кирос. Пойдемте в дом, я угощу вас чаем. Вы же не отправитесь обратно тотчас после такого долгого пути?

Библиотекарь как будто обрадовался возможности отдохнуть. Но, когда они вошли в замок, предложил сначала посмотреть книги и списки, а потом уже перейти к чаю. Илкер улыбнулась, заметив такое рвение, и они отправились разбирать сундуки.

Однако едва они остались наедине, мастер Кирос снова обратился к ней.

— Я очень рад, что вы приехали, леди Лаксме, — заговорил он негромко. — Я передал свои опасения полковнику Руману и долгое время не знал, отнеслись ли к моим словам серьезно.

Илкер замерла, а потом так же шепотом сообщила.

— Подождите немного, мне надо пригласить своих слуг, чтобы они присутствовали при нашем разговоре.

Старичок оторопел. Какое-то время он рассматривал Илкер, не говоря ни слова. Потом осторожно предположил:

— Вероятно, я неправильно понял послание, которое получил два дня назад...

— Думаю, вы его поняли абсолютно правильно. Только знаете, кто здесь главный, а кто всего лишь прикрытие, — пояснила она доброжелательно. — Не волнуйтесь, вас услышали, — она выглянула в коридор и крикнула: — Айна, мне нужна помощь мастера Зазы, чтобы разобрать книги. И помощь Улма тоже не помешает. Позови их, пожалуйста!

Они со стариком молча доставали одну книгу за другой, пока в комнату не вошли Раддай и Айна, а за ними и Улм. Последний плотно закрыл дверь.

— Что у нас здесь? — секретарь, радостно потирая руки, направился к сундукам.

— У нас здесь мастер Кирос, который хочет сообщить что-то важное, — остановила его Илкер.

Трое слуг быстро переглянулись, а потом переместились так, что Айна посматривала в окно, Улм караулил у дверей, а Заза указал на стулья.

— Нам лучше сесть.

— Я могу присутствовать при этом разговоре? — осторожно уточнила Илкер.

— Безусловно, ваше сиятельство, — заметил Улм. — Иначе это будет выглядеть довольно странно.

— Хорошо, — она села рядом с мастером Киросом.

— Итак? — Раддай вопросительно посмотрел на библиотекаря.

— Если честно, мне было очень неудобно беспокоить господина Полада, — начал он сбивчиво, — но я решил, что лучше ошибусь и окажусь старым дураком, чем если из-за моей медлительности погибнут люди.

— Вы всё сделали правильно, — заметил Раду.

Ободренный Кирос заговорил уверенней.

— По долгу службы мне приходится часто бывать в монастыре Наемы. Я провожу... проводил небольшое исследование, и мне любезно предоставили возможность порыться в церковных архивах. Поначалу я ни на что не обращал внимания, только читал книги и свитки, сопоставлял их. Но в один из вечеров, когда уже направлялся в гостиницу при монастыре, я увидел барона Шовхала. Я безмерно удивился, столкнувшись с ним. Ведь барон, хоть ему уже и было за шестьдесят, никогда не отличался религиозностью. Но доброе в нем, без сомнения, было. Например, он не женился, потому что, как однажды выразился, возвращаясь домой, он хочет видеть шлюх, а не зареванное лицо жены, — мастер Кирос осекся. — Извините, ваше сиятельство, — смущенно пробормотал он.

— Ничего, — успокоила его Илкер. — Я поняла вашу мысль. При всей грубости и развращенности, барон не хотел видеть чужие слезы. Вы это имели в виду?

— Да, ваше сиятельство. Спасибо. В общем, в тот вечер барон был страшно сердит. Увидев меня, он тоже изумился и спросил: «А вы что здесь, книжный червяк? Вас тоже вербовали?» Я не понял, о чем он. Барон это заметил и пробормотал: «Повезло вам, что не

аристократ. Шерешевы монахи, не сидится им, лишь бы учудить что-нибудь». И после этого направился в конюшню. Я бы забыл об этом случае, если бы через два дня мой господин, его сиятельство граф Еркер, не сообщил за столом, что всех пригласили на похороны барона Шовхала. Он умер от сердечного приступа.

— А до этого он жаловался на сердце? — спросил Улм от дверей.

— В том-то и дело, что нет! — горячо воскликнул мастер Кирос. — Это я и его сиятельству сообщил. Мол, еще недавно был бодр и полон сил, даже покинул монастырь верхом. Мой господин задумчиво посмотрел на меня и объявил, что сердечный приступ никого не предупреждает о своем приходе. Я с ним согласился. Но чуть позже его сиятельство пригласил меня в свой кабинет. У нас с ним очень доверительные отношения. Если бы он не был настолько выше меня по положению, я бы назвал его своим другом. Граф подробно расспросил о встрече с бароном и уточнил, не видел ли я еще кого-то в монастыре, когда работал в архивах.

— Почему он вдруг об этом заговорил? — поднял брови Заза.

— Видимо, потому, что тоже стал о чем-то подозревать. И когда я вспомнил, мне сделалось не по себе. Я не встречал никого, кроме барона, однако заметил кареты нескольких влиятельных аристократов, живущих неподалеку. Не думайте, что я присочинил то, чего не было. У меня цепкая память, но, до того как мой господин спросил об этом, я не придавал значения этому факту. Когда я начал припоминать, чьи именно кареты видел, то оказалось, что еще один из этих аристократов умер: упал с лестницы и свернул шею. Конечно, и это могло случайно произойти. Но мой господин очень разволновался и попросил написать обо всем полковнику Руману. Вдруг об этом надо знать господину Поладу? Я так и сделал, а когда в следующий раз поехал в монастырь, по дороге отвез письмо.

— Вы очень рисковали, — обронил как-то в раз посерьезневший секретарь. — Примите еще раз нашу благодарность за то, что не остались в стороне и сообщили о своих наблюдениях. Не переживайте, мы узнаем, что происходит. И если опасения были напрасны, никто не пострадает.

— Я правильно понимаю, — вновь заговорил Улм, — что ваш господин не просто отправил вас с книгами графа Меара?

— Да, несколько дней назад я получил письмо от некоего господина Р. — имя было неразборчиво — из Наемы. Он просил прибыть в Меару, чтобы я помог леди Лаксме в ее изысканиях: она якобы хотела прояснить некий вопрос, касающийся ее родословной, и уточнить, какие книги в монастыре Наемы помогут в этом. Когда я показал письмо господину, он уверенно заявил, что господин Р. — не кто иной как полковник Руман, и что таким хитрым способом меня приглашают, чтобы я еще раз рассказал обо всем, что знаю. Тут же его сиятельство предложил вернуть все книги из Меары, которые оказались у нас. Сказал, что это будет хороший повод для поездки в поместье.

— Какой ваш господин сознательный человек! — в голосе Раддая мелькнул сарказм.

— Ничего удивительного! — одновременно воскликнули Илкер и мастер Кирос.

— Извините, ваше сиятельство, — тут же смутился старик.

Девушке уступили право сказать первой:

— Вы считаете, что все аристократы только и думают, как устроить заговор? Что они не могут возмутиться, столкнувшись с убийствами?

— Извините. Я не это имел в виду.

— Его сиятельство граф Еркер всегда говорил: «Когда я увижу, что действия Полада несут вред стране, попробую с ним встретиться», — подхватил библиотекарь. — До сих пор он ни разу этого не увидел. Да хотя бы открытые суды, которые теперь стали обычными. Обвиняемый может защищаться, и люди слышат свидетельства против него, взвешивают все факты. Когда такое было? Любой здравомыслящий человек признает, что жизнь стала намного спо-

койней при господине Поладе, — мастер Кирос вновь начал горячиться, а Илкер, наоборот, успокоилась.

Ее отец считал так же, как граф Еркер. И Ял... принц Ллойд уверен, что Полад не злодей. Но тут вспомнился Тагир Свальд — молодой и талантливый поэт Энгарна, который должен умереть без суда, лишь потому, что перешел дорогу Поладу. Телохранителя, наверно, можно назвать сильным политиком, сумевшим навести порядок в стране. Но это не делает его ангелом Божиим, он не стесняется в средствах для достижения своих целей.

— Еще раз простите, что так взволновал вас бестактным замечанием, — покаянно произнес Заза, а Илкер увидела взгляд Улма, брошенный на секретаря — то ли упрек, то ли предостережение.

— Что ж... Если мы всё выяснили, думаю, я уже могу угостить мастера Кироса ужином, — девушка смотрела прямо на кучера, помня слова Полада: «Улм — мой голос». Но тот отвел глаза, словно эти слова не имели к нему никакого отношения.

— Ваше сиятельство... право, не стоит... — библиотекарь тоже успокоился и вновь засмутился.

— Вы же не собираетесь спорить со мной? — слегка приподняла брови Илкер.

— Я бы не осмелился, — благоговейно утих старик.

— Тогда идемте.

После ужина и легкой беседы за столом с Юмааной и Авдоном, мастер Кирос встал и с достоинством поклонился:

— Я еще нужен вам, ваше сиятельство? Нужна ли моя помощь с книгами?

— Нет-нет, мастер. Благодарю. Я дам вам знать, если вдруг не справлюсь. Но вам не стоит на ночь глядя возвращаться домой. Переночуйте у нас.

— Благодарю за гостеприимство, — с радостью откликнулся библиотекарь. — В таком случае завтра на рассвете я покину Меару. Доброй ночи, — он отдельно поклонился каждому из присутствующих.

— Доброй ночи, мастер Кирос, — отозвалась девушка.

Когда Айна помогала ей раздеться, Илкер вдруг отчаянно заскучала по Пайлун. Она очень устала, но при этом всеми силами старалась этого не показать, потому что рядом не было горничной, которая заботилась о ней искренно, а не оттого, что ей это поручил Полад. Она будто тоже под подозрением и постоянным присмотром. Очень неприятное ощущение.

Глава 2

20 ухгустуса, дом Каракара

Вся семья, как обычно, собралась за завтраком в мрачном доме, сложенном из огромных камней. Они сидели за деревянным столом рядком. Слуги подавали простую еду: кашу, мясную подливу, слабое вино. Алет ухаживал за Ранели, но она только вяло ковыряла в тарелке: у нее уже несколько дней не было аппетита по утрам, и Тану это беспокоило. Авиел пока не торопился с выводами. Катрис тоже ела безрадостно, ни на кого не глядя. Только Удаган поддерживал непринужденный разговор, но беседа о погоде затихала, едва начавшись. Все были погружены в свои думы.

Со дня похорон матери Щуа Крохалья, белобрысого мальчишки, которому предстояло взять имя на осеннем обряде, прошла неделя. Паренек поселился у них, спал в одной из гостевых комнат и с каким-то болезненным ожиданием следил за мужчинами. Никто в дом Каракара пока не приходил. Эйманы отказались от заговора, но, кажется, Щуа надеялся, что всё опять переменится и ему помогут отомстить за мать. Он повторял, что в ее смерти виновен только Охотник. Если бы Авиел был так же уверен в этом!

Наконец с едой было покончено. Женщины встали первыми, чтобы помочь слугам убрать со стола. Каракар посмотрел на сыновей, Алет и Удаган переглянулись друг с другом и тоже поднялись. Нужно было обсудить наедине то, что не предназначалось для ушей женщин, гостя и слуг. Гость — Щуа Крохаль — проводил их отчаянным взглядом: пребывание с женщинами, когда остальные обсуждали что-то важное, причиняло ему невыразимые страдания. Но поделаться он ничего не мог: пока не взял имя, не рассчитывая, что к тебе отнесутся как к равному.

Дом Щуа пустовал, парнишка не хотел туда возвращаться, и Авиел прекрасно его понимал: нет ничего страшнее пустого дома. Он когда-то пережил подобное.

В кабинете Каракар сразу сел в кресло у камина. Ле занял стул у окна. Алет закрыл за собой дверь и постоял немного, прислушиваясь.

— Не доверишь жене? — осведомился Каракар.

Сокол недовольно дернул плечом.

— Я привыкаю к тому, что между ее обещаниями и последующими поступками лежит гигантская пропасть.

— Ей трудно привыкнуть к нашим обычаям. Она слишком не похожа на нас. Но тебе следовало подумать об этом до того, как привел ее в дом... А теперь запасись терпением и учи, — Авиел отбросил со лба волосы и вдруг осознал, что точно таким же движением их отбрасывает Ле — его старший сын. От этого потеплело на душе. Но он вновь посерьезнел. — Что ты узнал о смерти Сафер? — он вопросительно глянул на Сокола.

Не так давно эйманы решили убить Охотника, когда имя будет брать Крохаль. Но об этом как-то узнала его мать, воспитывавшая сына одна: отец-эйман погиб, когда ребенку было три года. Она пригрозила рассказать обо всем Охотнику... Но внезапно умерла. Поползли слухи, что убил ее либо Авиел, либо кто-то из его сыновей. Они попытались докопаться до правды, но пока безуспешно.

Алет подвинул стул и сел напротив. Он ничем не напоминал отца — всё взял от матери. Вот Шела походил на Авиела. При воспоминании о стигнувшем неизвестно где Ястребе сердце защемило сильнее. Отыщут ли его?

Сокол всматривался в отца, пытаясь угадать, о чем он думает. Каракар чуть приподнял брови, и сын заговорил.

— Во-первых, сомнений не осталось — Сафер убил эйм. Загадка — почему она посмотрела ему в глаза. Ведь знала же, что нельзя².

— Кто-то напугал ее? Пригрозил убить сына? — предположил Удаган.

— Можно предупредить: пойдешь к Охотнику — убьем сына. И она вернулась бы. Возможно, вернулась бы. Но посмотреть в глаза эйму — равносильно самоубийству. Я не знаю, как к такому можно принудить.

— Что говорят? По-прежнему нас обвиняют?

— Женщины сплетничали об этом в первый день, но сейчас им закрыли рты. Нас кто-то прикрывает, — ответил Лев. — Не знаю надолго ли, но пока прикрывают.

— Еще что-то?

— Отец, — снова вступил Сокол, — с Щуа беседовал Цовев Юнко, как ты и предположил с самого начала. Он промыл ему мозги так, что тот до сих пор бредит убийством Охотника. Нельзя его отпускать от нас.

— Между прочим, за Корсаком и Ежом тоже следил эйм Цовева, — встрепнулся Удаган. — И почему-то он не заметил, что Елиаду грозит опасность. А ведь его для этого специально посылали. Чтобы проследить, защитить, предупредить... Что, если именно он и передает всё Охотнику?

— Маленькому воробью очень легко стать шпионом, его сразу не заметишь, даже в дом пробраться не проблема, — подхватил Алет.

— Это догадки, — вздохнул Авиел. — Без веских улик никто нас слушать не будет. Но, если честно, и эти догадки мне очень не нравятся. Не хотел бы я стать врагом дома Воробья. И молчать, когда происходит такое, тоже нельзя.

— Отец, я помню... — решил Лев. — В первую встречу, когда мы беседовали с главами домов, ты сказал, что Охотник не убивает эйманов, и посмотрел на Баал-Ханана. Ты что-то знаешь?

— Да, — нахмурился Авиел. — Но это не имеет значения.

— А если имеет?

— Нельзя выдвигать какие-то обвинения, не имея веских доказательств.

— А доказательств мы не найдем, — попытожил Алет. — Если только убийца не захочет признаться.

— Давайте последим за Воробьем и Юнко. Может, что-то и узнаем.

— Нас вычислят очень быстро. И каракара, и сокол довольно заметны. Это тебе не юнко. Обидно, что никому нельзя довериться.

— А если Беркуту? — предложил Алет.

— Беркут себя уже показал, — покачал головой отец. — Он будет всегда на стороне своей семьи и сдаст нас, если появится малейшая опасность для нее.

— Значит, ничего нельзя сделать?

— Пока наблюдаем. Спешить некуда. Охотник будет жить по крайней мере до следующего Обряда... Может, за это время убийца где-нибудь и проколется. И предатель тоже.

— К нам идет Талмон Чайка! — вскочил Удаган — его эйм караулил у ворот дома.

— Что ему нужно? — Алет тоже встал.

— А ты не догадываешься? — грустно усмехнулся Каракар. — Встретим гостя.

— Отец, нельзя отдавать им Щуа. Они погубят мальчишку! — заволновался Алет, спускаясь вниз.

— Он выбрал свой путь, — отрезал Каракар. — С главой Дома мы спорить не будем!

² Эйманы — народ, живущий одновременно в двух сущностях: животного и человека. «Человеческая» половина опасна не более, чем любой человек. Животному-эйму нельзя смотреть в глаза, мгновенная смерть. Эйманами могут быть только мужчины, женятся они на обычных женщинах, рождаются только мальчики. Подробнее см. романы «Ошибка Всевышнего», «Дары Всевышнего».

Стук в дверь раздался, едва они вышли в холл. Слуга открыл дверь.

— Можно к вам? — широко улыбнулся Чайка. Худой старик с лицом, сморщенным, как печеное яблоко, излучал дружелюбие.

— Проходите, Талмон, — пригласил Авиел. — Чем обязаны визиту?

— Ну как же! У вас мой сын загостился. — Эйман, у которого погибла семья, если он еще не взял имя, по традиции считался сыном главы Дома. — Щуа, что же ты?

Парнишка подошел к взрослым. Женщины как по волшебству исчезли. Лишь Ранели наблюдала за происходящим из столовой, стараясь, чтобы ее не заметили.

— Добрый день, господин Талмон, — почтительно поздоровался Щуа, но в движениях сквозила настороженность.

— Сынок, поблаговари Каракара за гостеприимство. Я рад, что его семья была рядом, чтобы поддержать тебя в трудную минуту. Но пора возвращаться в Дом. Скоро Обряд, ты должен подготовиться. Вещи у тебя есть какие-нибудь? Собирай и пойдем.

— Я не хочу, — тихо возразил мальчишка. — Мне здесь хорошо. Я здесь хочу, с Каракаром.

— Авиел?

Чайка взглянул на хозяина дома.

— Это его решение, — заверил он.

— А ты объяснил ему, что означает это решение? — улыбка исчезла с лица Талмона. — Что вошедший в семью изгоев становится изгоем. Ты это объяснил ему?

— Он не вошел в мою семью, — возразил Каракар. — Ему трудно сейчас, он гостит у меня. Позже он вернется в свой Дом.

— Или позже вернется к тебе, — отрезал Чайка и снова повернулся к Щуа. — Сынок, тебе надо переехать ко мне. Хотя бы до Обряда. Если ты этого не сделаешь — создашь проблемы для людей, которые тебе помогли.

Алет дернулся возразить, но отец сдержал его.

— Идем, — настойчиво повторил Талмон. — Ты хороший мальчик, вряд ли ты хочешь причинить неприятности своим друзьям.

Щуа взглянул на Авиела.

— Я приду. После Обряда. Можно?

— Можно, — твердо ответил Каракар.

— Спасибо. Я и до Обряда заходить буду. Можно?

— Конечно, — подбодрил его Авиел.

— Спасибо. Спасибо за всё, — последнее он крикнул в дом невидимым женщинам, а потом вышел.

Чайка кивнул.

— Спасибо, Каракар.

И его взгляд Авиелу очень не понравился.

Дверь закрылась.

— Отец, он убьет его, — простонал Алет.

— Зачем? — отмахнулся Каракар.

— Щуа захочет убить Охотника и...

— За это не убивают. Меня же не убили. Вот если он что-то узнает об истинной причине смерти матери... Будем надеяться на лучшее.

— Если он умрет, это будет на нашей совести.

— Хватит уже, — прервал Авиел. — Совесть не безразмерная, чтобы вешать на нее всё. Можешь проследить за ним, если так беспокоишься.

— Прослежу, — обронил Сокол.

— Хорошо.

Авиел с тревожным сердцем направился к лестнице. На первой ступеньке обернулся.
— Займитесь чем-нибудь. Я хочу побыть один.

Он не был уверен, что поступает правильно. Он в последнее время ни в чем не был уверен, и это мучило больше всего.

В кабинете он подошел к окну и застыл: на подоконнике лежал пожелтевший носовой платок с монограммой А и К. Сердце забилося как сумасшедшее: он очень хорошо знал этот платок.

После убийства Фарея Охотника Авиел неделю не приходил в себя. В замок его принес Беркут с сыновьями и после этого ни разу не заглядывал к брату. Но когда у Каракара прояснилось сознание, первое, что он увидел над собой, — янтарные глаза сына, такие же как у Таны, и боль в теле, страх неизвестности — всё сразу ушло. Он быстро пошел на поправку.

Уже через неделю Каракар поднялся. Раны болели, но лежать он не имел права. В Цартане на грани срыва несколько сделок. Репутацию надежного партнера потерять гораздо проще, чем вернуть обратно. Он покинул дом и вновь обретенного сына.

Однажды ночью, когда он возвращался после переговоров в свой особняк, его встретили. Как только ему перегородили дорогу, он понял, что домой не вернется: с пятью наемными убийцами не справишься, даже если полностью здоров. Но он всё же вытащил меч.

Но тут появился еще один участник действия. Над головой раздался насмешливый голос:

— Господа, я на крыше, и у меня ядовитые дротики. Еще шаг, и я начну стрелять.

Наемники опешили и остановились.

— Тень? — уточнил один из нападавших.

— Он самый, — хмыкнули сверху.

— Тень никогда не отнимает работу у братьев, — возразил другой хмуро.

— Ты прав. Я не отниму у вас честный заработок. Сколько вам обещали за голову?

Разбойники недолго посоветались, потом один сообщил:

— Золотой.

С неба хохотнули:

— Вам заплатили один золотой на пятерых? Я плачу по золотому каждому, и он мой.

Идет?

Сумма была велика, сделку заключили без раздумий. Сверху упал кошель. Его содержимое тщательно проверили, попробовали на зуб. Но прежде чем убийцы скрылись, голос предупредил:

— Я надеюсь, вы понимаете, что такое «он мой»? Только я могу его убить. Если вы нарушите соглашение, я продам ваши трупы повару на жаркое, чтобы хоть немного вернуть потраченное. Другим тоже передайте. Если кому-то нужна эта голова, пусть обращаются к Тени.

Как только убийцы скрылись, Авиел повернулся и посмотрел на крышу. Неужели его так интересно убивать, что кто-то готов заплатить пять золотых? В темноте он едва различил, как, проделав несколько головокружительных кульбитов, мужчина в черном мягко, как кошка, прыгнул на мостовую в паре шагов от Каракара. Невысокий, стройный. На лице маска.

— Добрый вечер, господин Каракар! — В голосе слышалась насмешка. — Уберите меч. Со мной он бесполезен. Да я и не собираюсь вас убивать. Пока. Будьте добры, подарите мне ваш платок.

— Платок? — удивился эйман. — Зачем?

— Не думаете же вы, что понадобились именно Тени? Да еще и за пять золотых? — объяснили ему снисходительно. — Я лишь посредник. Мне поручили передать: эйманы оплатили ваше убийство. Но не всем это понравилось. Есть тот, кто купил вашу жизнь. Он нанял

Тень. И ему нужен платок, чтобы однажды напомнить о своем благодеянии. Так что? Вы дадите платок или мне взять его силой?

Каракар вернул меч в ножны и полез в суму.

Тень рассмотрел платок при свете луны и хохотнул:

— Будьте здоровы, господин Каракар!

Наемный убийца растворился в ночном городе.

Справившись с собой, Авиел аккуратно вынул раму, стараясь не столкнуть послание на землю. Но можно было и не осторожничать: в платок завернули небольшой камень, чтобы его случайно не сдуло ветром. И еще там лежала записка: «Цартан, мадам Жалма, 23 ухгустуса, шесть часов пополудни».

О дорогом выкупе вспомнили.

20 ухгустуса, постоянный двор неподалеку от Цартана

— Я хочу выпить! — Тагир Свальд не поддавался ни на какие уговоры. Щеки его были всё так же плохо выбриты, большие серые глаза от алкоголя затуманились. — Мне обещали заплатить за помощь! — Поэт и трезвый-то был очень вспыльчивый, а уж когда ему казалось, что его хотят унижить, справиться с ним без скандала было вообще невозможно. — Я требую, чтобы деньги отдали немедленно. Я хочу выпить, и не смейте мне мешать!

— Бог с тобой! — Герард Сорот маркиз Нево, развалившийся на скамье напротив, источал брезгливость. — Найдется ли тут чудовище, способное лишить великого поэта Энгарна единственной радости?

— Ты — чудовище! — тут же вскинулся пьяный Свальд в ответ на реплику маркиза. — И ты мне не нравишься, — заявил он.

Герард был элегантен и неотразим: голубоглазый брюнет с безупречно правильными чертами лица. Служанки, проходя мимо, замирали, глядя на него. Ялмари был чуть выше Свальда, но на полголовы ниже маркиза. Темноволосый и черноглазый, с чуть смуглой кожей, он проигрывал Сороту во внешности. На него обращали внимания не больше, чем на других «волков»: он несколько не походил на принца, тем более носил не камзол или колет, а длинную кожаную куртку и широкополую шляпу, давно вышедшую из моды.

С другой стороны от поэта сидел капитан Шрам, вернее, уже майор. Перед отъездом его повысили в звании. Остальные «волки» расположились за другими столами. Эту довольно странную компанию отправили искать союзников в назревающей войне с магом-иномирцем. Ялмари представлялся лесником, поэтому два десятка охраны во главе с майором сопровождали маркиза, который периодически демонстрировал, что миссия эта у него в печенках сидит. Чудо, что у поэта до сих пор не возникло вопросов по этому поводу. Свальд знал, как найти эйманов — таинственный народ, живущий в непроходимых лесах на северо-востоке, поэтому был проводником. Он когда-то дружил с одним из эйманов.

— Орнер еще ничего, — продолжал заплетаящимся языком бубнить поэт, — но почему он никогда не пьет? Это подозрительно! А я хочу выпить. Я хочу выпить за свою любимую. Илкер. За Илкер Лаксме. Она обещала, что будет моей, когда я вернусь. Вот увидите, я вернусь и ее украду.

— Я специально приеду посмотреть на это. Вот зрелище-то будет! Пьяный поэт Энгарна похищает фрейлину принцессы, — издевательски хохотнул Герард.

— Поаккуратней, ваше сиятельство! — одернул его майор.

Шрам не уступал в росте маркизу, но носил небольшую русую бороду, словно специально подчеркивая, что не имеет никакого отношения к аристократам. Принц познакомился с ним полтора месяца назад, когда его чуть не сожгли охотники на оборотней, и сразу доложил Поладу: Шрам догадался, что Ялмари тоже оборотень. Принц был рад, что майор не только жив, но и сопровождал дипломатическую миссию, хотя не представлял, как Полад решил эту проблему, но он привык доверять телохранителю королевы.

— Какая фрейлина? — помотал головой Свальд, словно проснувшись. — Фрейлин я не люблю. Они такие... — он покрутил растопыренными пальцами, изображая пышные юбки.

Сорот лениво потянулся.

Ялмари нахмурился. Он бросил взгляд на маркиза, потом на то, как Свальд наполняет вином очередную кружку. Почти каждый вечер повторялось одно и то же: поэт напивался и начинал ссориться с Герардом. И справлялся с этой ситуацией только Шрам.

— Ты мне не нравишься! — повторил Тагир, всматриваясь в маркиза. — Вот Орнер — он ничего, хоть и не пьет, — он похлопал принца по плечу. — Ты извини, что я к тебе так. Я твое имя не выговорю. Слушай, Орнер, зачем ты согласился ехать с этим хлыщом? Он хам и подлец. Ты знаешь об этом, Орнер?

— Ты груб. Тебе это не идет, — Ялмари аккуратно снял руку поэта с плеча. — Не думаю, что ты хорошо знаешь его сиятельство, чтобы так говорить, — дипломатично завершил он. — Тагир, я прошу тебя, хватит пить. Ты завтра не сможешь ехать.

— Когда это я не мог ехать? — вскинулся Свальд. — Я стихи в таком состоянии писать смогу, а ты говоришь, ехать не смогу! — он с трудом помахал пальцем перед носом Ялмари. — Вот хошь прямо щас сочиню. Хошь?

— Не надо. Я люблю слушать стихи, когда ты трезв.

— Ха! Трезвый и дурак напишет, а ты вот пьяный напиши! Вот что мне пришло...

Оседает пыль восходящих звезд

На линейки нот и спирали струн,

Звук творит миры. Песня — это мост

Через нашу боль, через нашу грусть...³

— А? Каково? Нравится? Ты хороший человек. Дарю тебе, — величественно махнул он. — Если когда-нибудь меня издадут, я этот стиш, когда я его допишу, посвящу тебе. Ям... Яр... Ял... Короче, Орнеру. Ты тоже грустишь, я вижу. И у тебя отобрали любимую?

— Почти, — подтвердил Ялмари. — Мы не можем быть вместе.

— Почему не можете, — хохотнул Герард. — Фрейлина не хочет?..

Он не договорил, потому что взгляд Ялмари потемнел.

— Тебя заткнуть? — негромко процедил он.

Сказано было так, что Герард на мгновение замер. Потом сник и суетливо засобирился, стараясь сделать вид, будто ничего особенного не произошло:

— Ладно, я спать.

Когда маркиз скрылся, Шрам уважительно кивнул:

— Железные нервы у тебя. Я бы врезал.

В путешествии они перешли на ты, хотя майор был старше Ялмари почти в два раза, ему скоро исполнялось сорок.

— Учитель был хороший, — сдержанно промолвил Ялмари.

Он считал, что комплимента не заслуживает. Всё равно прокололся: разыгрывает перед поэтом роль простолюдина, а сам угрожает маркизу. Даже майор с Герардом так не разговаривает.

Но, кажется, Свальд был слишком пьян, чтобы проанализировать произошедший инцидент. Он смотрел на дно кружки, как ведьма в чашу для гадания.

— Не можете быть вместе... — пробормотал он задумчиво. — Это самое страшное, — вынес вердикт Тагир. — Я вот всё думаю, что она меня ждет. Я надеюсь. Я живу только этой надеждой.

³ Здесь и далее — стихотворения Генриха Фауста.

— Слушай, Тагир... Ты, наверно, Орнеру надоел уже со своими излияниями, — Шрам доверительно склонился к поэту. — Давай отпустим Орнера, тем более он не пьет, а я с тобой посижу.

— Ты хороший человек, Шрам, — объявил Свальд. — Но ты «волк», мой надсмотрщик и не любишь стихов. Я не хочу с тобой сидеть. Уж лучше с Орнером, хоть он и не пьет.

Ялмари, конечно, мог уйти, ничего не объясняя, позволив Шраму присматривать за ненадежным помощником. Но раз уж он разыгрывал перед всеми роль простолюдина, следовало делать вид, будто главные здесь — маркиз и Шрам. А Свальд еще, как нарочно, выбрал именно принца в свои друзья.

— Да ну его, — настаивал майор, с легкой улыбкой глядя на Ялмари. — Толку что он стихи понимает, если он не пьет? Ты вот забудь, что я «волк». Причем здесь «волк»? Я солдат! Солдат Энгарна. И я пью и могу послушать о твоей любимой, — Ялмари заметил, что Шрам подыгрывает Свальду и притворяется, будто тоже пьян. Тагир этого не разглядел. — А Орнер пусть убирается. Толку с него. Он не пьет, а потому не поймет твою боль. А я пойму.

— А ты поймешь, — вдруг согласился Тагир. — Потому что ты солдат и твоя любимая далеко. — Он всмотрелся в майора и скривился. — Нииии! Ты мой надсмотрщик. Я это помню. Мне надо очень много выпить, чтобы я это забыл. — Он возвысил голос и почти закричал на весь зал, —

Оборванные голоса
Несостоявшихся миров
Стирают обод колеса.
Из содержимого голов
Потоки света рвутся вспять,
Свихнулись стрелки на часах,
Обычных чувств всего лишь пять,
И каждое питает страх,
Некрополь духа, свалка форм,
Жизнь насекомых-светляков —
Так с высоты полета птиц
Я вижу трупы городов.
Холодный фосфорный узор —
Слепого Бога письма, —
Стекает гной из черных пор,
Растет еще одна стена...

Ялмари подумал, что у талантливого поэта и обличительные стихи талантливые. И пусть он орет их на весь город — едва ли хоть каждый десятый поймет, о чем он кричит.

— Ладно, — согласился Шрам. — Я твой надсмотрщик. И «гной из пор» — это про меня. Но Орнера всё равно давай отпустим. Ну его. Он не пьет.

— Отпустим, — сдался Свальд. — Пусть идет. А я тебе стихи почитаю. Это месть моя. Ты ж никакого шереша не понимаешь, а никуда не денешься. Будешь сидеть, потому что ты — мой надсмотрщик.

— Буду сидеть, — покорно подтвердил Шрам. — Потому что я твой надсмотрщик, — и, улучив мгновение, когда Тагир на него не смотрел, подмигнул принцу совершенно трезвым взглядом.

Ялмари поблагодарил кивком и встал.

— Благодарю, господин майор, — искренно произнес он.

— Мы тоже скоро... — заверил Тагир. — Я ему щас только поэму прочту, и сразу спать.

Принц поднялся в свою комнату. Такая же, как и предыдущие: в меру чистая, в меру скромная. Спасибо еще, спать в ней одному, в прошлый раз пришлось делить спальню с Герар-

дом. В поведении маркиза появилась какая-то дерзость. Откровенно они не разговаривали, но Ялмари чувствовал: маркизу донесли, что Полад не одобряет его ухаживания за принцессой и всячески пытается удалить поклонника из дворца. И нынешняя дипломатическая миссия тоже только предлог. Возможно, больше всего Герарда задело, что принц, с которым они практически выросли вместе, поддерживает в этом телохранителя королевы. Ялмари к любовным приключениям маркиза относился спокойно, но такого мужа сестре он бы не хотел.

Напряжение между ними росло день ото дня. Это было настолько заметно, что в один из вечеров майор как бы невзначай обронил.

— А мне говорили, что принц и маркиз Нево — друзья.

— У принца нет друзей, — не задумываясь, отрезал Ялмари. Он понимал, что Шрам сейчас говорит не о приятельских отношениях, а о настоящей дружбе, когда можно быть откровенным, зная, что твою спину прикроют.

— Бедолага, — искренно вздохнул майор.

Ялмари растянулся на постели, положил руки за голову, уставился в потолок.

Тагир был той еще занозой в заднице. Как можно дожить до таких лет, писать красивые, а местами даже талантливые стихи, но при этом превратиться в законченного алкоголика, постоянно говорящего гадости людям? Нет, конечно, в поэте было что-то доброе: он был искренен. Пару раз принц видел, как он давал несколько монет служанкам. Старым. То есть явно стало жаль, а не потому, что ожидал каких-то услуг или уже получил их. Но при этом он был наивен, как дитя. Ничего не стоило его облапошить. Только поэтому он и в тюрьму попал. Напели ему о жестокости и несправедливости, он и стал стишки строчить. С одной стороны, Полад был к бедолаге очень уж суров — ничего достойного смерти он не сделал. С другой стороны, попадется на его пути еще какой-нибудь умник — и Свальда потянет на подвиги: убить кого-нибудь или хотя бы покалечить. Как будто логичнее обезвредить его заранее, а не ждать, когда он совершит что-нибудь непоправимое. А еще лучше, чтобы он действительно уехал куда-нибудь за границу.

И надо же было такому случиться, что этот человек — единственный, кто может помочь отыскать таинственных эйманов! Самое слабое звено в команде.

Если не считать этих недоразумений, путешествие пока проходило спокойно. После того как Ялмари встретится с эйманами, он отправится в Яхию: договорились о дипломатической миссии. Всё должно быть просто: приехать, подписать договор, отправиться дальше. Возможно, женщины-воительницы помогут добраться до Песчаного монастыря.

Вроде бы всё складывалось, но тревога не покидала. Он не знал, была ли это интуиция оборотня или ложные страхи, но почему-то казалось, что они без проблем до эйманов не доберутся. Что-то случится. Вот только где и когда?

Что без толку об этом думать? Нужно быть вожаком стаи или черным монахом, чтобы быстро получать ответы на вопросы. А если не знаешь, что делать, — не делай ничего.

Ялмари прикрыл веки и представил Илкер. Полумрак кареты. Как билось ее сердечко: он слышал это слишком хорошо. Как она облизнула губы... Правильно ли он сделал, что промолчал тогда? Может, стоило... Он тяжело вздохнул и перевернулся на бок. Стоило что? Поцеловать ее? А дальше что? Она бы потом, глядишь, сбежала из дворца, и он не мог бы видеть ее даже издали.

Впрочем, и так не увидит. Она уже отправилась в родовой замок. Там можно запросто забыть о сумасшедшем принце. Он пытался представить, как она выходит из кареты, осматривает стены... Что она чувствует? Радость? Волнение? Боль? Хотелось бы, чтобы все-таки радость...

А ему одно утешение — видеть сны, где они вместе. Может, и сегодня что-то хорошее приснится.